

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 9-го Августа 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9759.

ГОЛОСА.

(Carte postale).

(Вечеръ. Снѣгъ на горахъ кажется розовымъ отъ заката. Внизу легли глубокія, синія тѣни. Озеро спокойно. Набережная почти пуста. Если проходятъ, то, большею частью, рабочій простой народъ. Въ скверѣ бьетъ фонтанъ. Клумбы цветовъ. Продаются открытки, журналы. На скамейкѣ сидѣтъ она. Усталое лицо съ внимательными глазами. Появляется онъ. Свѣтлый костюмъ. Разсѣянная походка. Сначала не рѣшался. Потомъ сѣлъ рядомъ. Смотрѣть другъ на друга).

Онъ (кланяется). — Mademoiselle...

Она (просто).—Добрый вечеръ.

Онъ (развязно).—Вы позволите мнѣ здѣсь оставаться?

Она (спокойно).—Какъ хотите.

Онъ.—Вы очаровательны. Вы прелестны. Я уже побѣженъ. Можетъ быть, мы перейдемъ въ caf .

Она (равнодушно).—Я не ищу приключений. Вы ошиблись.

Онъ (мѣняя тонъ, легкомысленно).—А... простите... Я думалъ... Мы всегда думаемъ дурно, если женщина сидѣтъ одна и... и отвѣчаетъ на вопросы.

Она (иронически).—Для меня не новость.

Онъ (пожимая плечами).—Это естественно. Мы не осуждаемъ такихъ женщинъ, но мы думаемъ о нихъ дурно. Смотримъ свысока. Онъ—вещи, мы—покупатели (любезно). Если бездѣлушка такъ изящна, какъ вы, мы не торгуемся.

Она (молчитъ).

Онъ (вкрадчиво).—Я прѣхалъ изъ Вѣны. Мнѣ чертовски везеть послѣднее время. Я заработалъ бездну. Теперь хочу отдохнуть, веселиться. Чертъ возьми, я заслужилъ это... Меня не называли красивымъ, но я нравился.

Она (усмѣхнувшись).—Да?

Онъ (нерѣшительно).—Я говорю... потому что... Ну, потому что... Вы—иностраница?

Она.—Да.

Онъ.—И что вы здѣсь дѣлаете?

Она (задумчиво).—Скучаю. Бездѣ и всегда скучно. Отъ себя никуда не уйдешь.

Онъ.—Женщины рѣдко бываютъ грустны. Вѣдь, онъ мало думаютъ.

Она.—Зато много чувствуютъ. Это тоже утомительно.

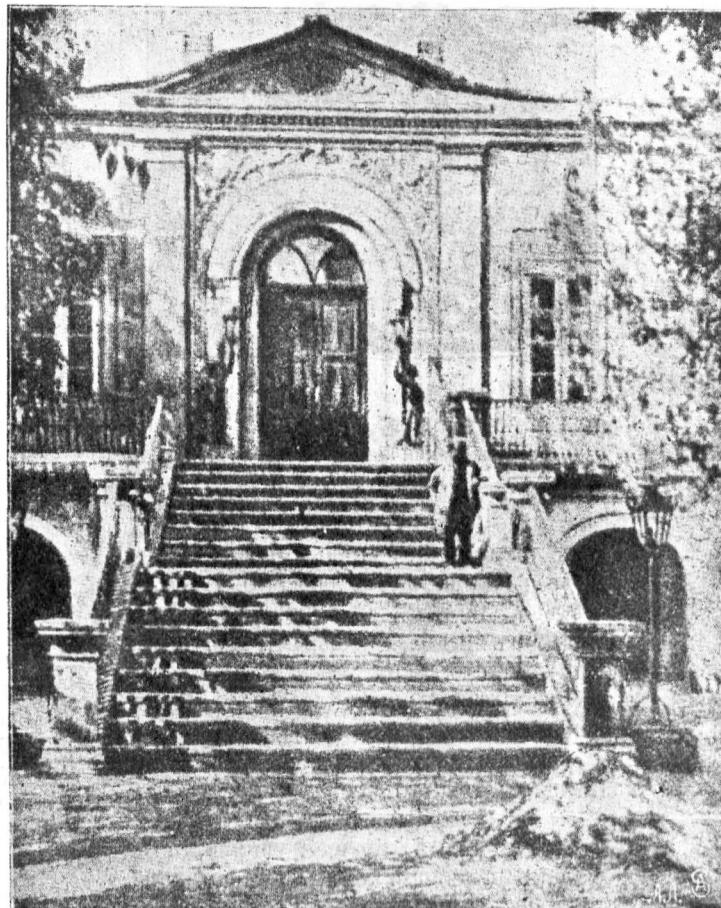
Онъ.—А-а... (смотритъ внимательно). Короткое молчаніе. Черезъ минуту, небрежно)—Чѣмъ вы живете?

Она (сухо).—Не все-ли равно?... Живу...

Онъ.—Я васъ нигдѣ не встрѣчалъ?

Она (отрицательно качаетъ головой).

Онъ (нетерпѣливо). Въ Парижъ? Ниццѣ? Берлинѣ?

Зданіе русскаго посольства въ Тегеранѣ, гдѣ бывшій шахъ со своими приверженцами сидѣлъ въ бестѣ.

Она.—Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... (смѣется). Нигдѣ и никогда. У меня хорошая память на лица.

Онъ (слегка недовольно).—Ба, вы могли не замѣтить. Вы просто забыли. Эти волосы, глаза, улыбка... Ахъ, я васъ видѣлъ...

Она (равнодушно).—Можетъ быть... Я васъ не помню. Я васъ не знаю.

Онъ (безпокоясь).—И голосъ... голосъ!.. особенно голосъ...

Она.—Не знаю.
(Молчаніе)

Онъ (сумрачно). Внезапно согнулся, потускнѣлъ). Я ломался. Я лгалъ вамъ. Ни откуда я не прїѣжалъ. Просто вышелъ изъ дома. Брошу. И въ карманѣ у меня 10 франковъ... да... И никогда въ жизни мнѣ не везло. Я—неудачникъ.

Она (пожимая плечами).—Зачѣмъ вы исповѣдуетесь?

Онъ.—Такъ. Не все-ли равно, о чемъ говорить?... Вы мнѣ напомнили одну маленькую женщину... у нея были такіе же волосы и улыбка... Да...

Она.—А... а... Неужели?

Онъ (холодно).—Вы хуже ея, гораздо хуже. Когда она улыбалась, то походила на ангела. Потомъ, у васъ непріятный смѣхъ.

Она (вскользь).—Я не умѣю смѣяться.

Онъ (угрюмо-мечтательно).—Моя маленькая... такая маленькая, что я могъ носить ее на рукахъ.

Она (разсѣянно).—Умерла?

Онъ (рѣзко).—Ушла. Я мало зарабатывалъ.

Она (неопределѣленное восклицаніе).

Онъ.—Мы часто хоронимъ живыхъ.

Она (вспоминая).—Да... часто хоронимъ живыхъ.

Онъ.—И это страшнѣе обыкновенной смерти.

Она (задумчиво).—Нѣтъ ничего прекраснѣе смерти.

Онъ (раздражаясь).—Какой вздоръ!.. Я боготворю жизнь. Борьбу, силу, контрасты... Я временно усталъ.

Она (тихо).—Я устала навсегда. Я не могу начать сначала.

Онъ (не слушая).—О, я еще верну ее... Мою маленькую Люси... Я разобью въ кровь свои руки, но дамъ ей все, все нужное для счастья... Моя маленькая, капризная куколка... Конечно, она требовательна... молодая... Что дѣлать?.. Такова жизнь. Кругомъ столько соблазновъ. Развѣ она могла съ ея наружностью, съ ея очаровательнымъ смѣхомъ довольствоваться одной комнатой и грошевыми платьями? Она была создана для роскоши... Другой пришелъ и далъ во сто кратъ больше, чѣмъ даже она мечтала... Какая женщина устоитъ? Вы вѣдь продажны... Люси ушла. Я виноватъ. И я заглажу свою вину. Я верну Люси. Верну, хотя бы мнѣ пришлось просиживать цѣлые ночи, ослѣпнуть, оглохнуть, умереть. Я верну ее...

(Мечтательно, съ болью). Моя маленькая, голубоглазая куколка... Когда она вернется, я снова скажу: да здравствуетъ жизнь!..

Она (улыбнувшись).—Какъ патетично...

Онъ (жестко, требовательно).—Вы любили?

Она (не удивляясь).—Да. Любила.

Онъ (еще рѣзче).—Удачно?

Она (равнодушно).—Нѣтъ, онъ не любилъ меня.

Онъ (тише).—Уважалъ?..

Она (ровно).—Нѣтъ, онъ не уважалъ меня.

Онъ (грустно).—Жалѣлъ?

Она (спокойно).—Нѣтъ, онъ не жалѣлъ меня.

(Молчаніе).

Онъ (безпокойно соображая).—Такъ нельзя... Вы относитесь къ этому слишкомъ хладнокровно... Почему вы не плачете? Вы должны плакать...

Она (смѣется).—Я не вѣрю въ любовь. Я встрѣчала потомъ второго... и чувствовала къ нему то же самое. Также была готова и на жертвы, и на униженія. Развѣ любовь единична? Она повторяется, какъ весна. Когда я убѣдилась въ этомъ, любовь перестала интересовать меня. Я не называю ее больше трагедіей. Фарсъ... глупенький, пошленскій фарсъ... да еще и переводной... Вотъ!..

Онъ (недоброжелательно).—У васъ есть семья?

Она. Я—сирота.

Онъ (мягко).—А родина?

Она (пожимая плечами).—Мнѣ все равно, гдѣ жить... тамъ, здѣсь, дальше... Я не хочу уѣзжать, а уѣду—не хочу возвращаться... Люди вездѣ одинаковы... Декораций же... природа... Что мнѣ до нея?... Я—космополитка...

Онъ (колеблется).—Надѣюсь, вы не отрицаете совѣсть?

Она (черезъ минуту).—Совѣсть? Ну, она не хрустальная, моя совѣсть... Впрочемъ, я никогда не интересуюсь ею.

Онъ (недоумѣвая).—Быть можетъ, религія...

Она (задумчиво).—Женщины нашей страны мистичны и религіозны. Я люблю красоту во всемъ и въ церкви, безъ сомнѣнія... Но развѣ это религія?...

Онъ (подозрительно).—Значитъ... у васъ нѣтъ ничего?

Она.—Ничего.

Онъ.—А желанія?..

Она.—Никакихъ.

Онъ (нетерпѣливо).—Это ненормально... Это невозможно для женщины... Что вѣсъ сдѣлало такою?

Она (спокойно).—Вѣроятно, жизнь... годы... впрочемъ, не знаю... не слѣдила...

Онъ (какъ-бы про себя).—Когда моя маленькая ушла, я была мертвъ отъ муки... Я разсуждалъ почти такъ же, какъ и вы... Теперь же я снова вѣрю... жду... я хочу свѣта...

Она (тихо).—Только мы сами должны зажигать свѣты. Никто не зажетъ, скорѣе потушитъ.

(Темнѣеть. Горы совсѣмъ черны. Съ озера тянется влагою. Увеличилось движение кругомъ. Блеснули фонари. Гдѣ-то музыка).

Онъ (эгоистично вздохнувъ).—Я счастливѣе вѣсъ.

Она.—Можетъ-быть.

Онъ (повесѣльшій).—Зачѣмъ вы живете?

Она.—Такъ... по инерціи... Потомъ, когда это будетъ слишкомъ невыносимо... Богъ мой... (пожимая плечами). У Роны быстрое теченіе и глубокое дно.

Онъ (кивая головой).—Да. (Пауза. Встаетъ) Мнѣ пора. Вы не пойдете со мною?

Она.—Нѣть.

Онъ (колеблется).—И что же вы будете дѣлать?

Она.—Сидѣть...

Онъ.—А потому?

Она.—Пойду.

Онъ.—Куда?

Она. (устала).—Не знаю... такъ... впередъ... Не знаю...

(Онъ снимаетъ шляпу. Скоро его уже не видно. Она сидѣть по прежнему, изрѣдка взрагивая. Надвигается ночь).

Анна Марь.

СТРАШНОЕ РОДСТВО.

(Миніатюра).

Ночь безъ луны и звѣздъ; надъ дальнѣмъ блютомъ колышется туманъ, напоминающій молочное море; поближе къ дачамъ, въ березовой рощѣ, среди пены скихъ листьевъ орѣхи, бузины и еще какой-то мелкой поросли, слышится тихъ шепотъ. Молочное море тумана не до

В. Л. Бурцевъ,
разоблачивший Гардинга и Азефа.

Воскресенье, 9-го Августа 1909 года.

— Родная бабуника?

— Родная. Да еще какая колдунья-то! Старая-престарая, знающая-презнающая. Что захочешь, сдѣлаетъ.

— Ты шутки шутишь, Июша?

— Нѣть, я не шутки шучу, а правду говорю, Гриша. Не вздумай разлюбить меня, Гриша: бабунку попрошу, она тебѣ такое лихо сдѣлаетъ, что ты и жизни будешь не радъ. Бабушки вся деревенька боится: вся деревенька подъ началомъ у ней. Какъ захочетъ бабушка, такъ тому и быть.

Въ лѣсу раздается странный крикъ.

— Что это?—спрашиваетъ мужской голосъ.

— Не пугайся: это сыръ ухнула. Сыръ страшно кричитъ: кто не слыхалъ, тому жутко слушать. Я у бабушки живого сырца видѣла.

— Тыфу, пакость!

— Чѣмъ же пакость? Птица и большие птицы. У ней хуже вещи есть: змѣи, лягушки, жабы черные и разная пичисть. Бабушка лягъ сунуть и на стѣнку вѣшать; иныхъ же толкать и въ банку. Съ непривычки, конечно, человѣкъ испугается, а если привыкнетъ, такъ ста него все, какъ съ гуси вода. Бабушкѣ нельзѧ безъ этого: откуда она лекарств набираетъ отъ сглазу, отъ лихорадки, отъ укуса змѣи? Я привыкла; я уже послѣ и вѣнчанія ни на что не обращала. Зайдешь, бабушка шепчетъ что-нибудь въ углу. «Колдунь, бабушка?» — спросишь. — «Колдунь, колдунь, винчка!» — отвѣтить и опять начинать колдовать.

— Ухъ, страсть какая!

— Какая же страсть, Гриша? Если будешь любить меня, какъ обѣщаешь, ничего тебѣ нехорошего не будетъ. А если будешь на женщинѣ заглядываться—видѣла я, какими глазами глядишь ты на нихъ—не прогнѣвайся: я на тебя свою бабушку-колдунью напушу; я—ревнивая.

— Что тебѣ чудится? Я же не заглядываюсь на женщинѣ!

— Разскажай! Знаешь мы вѣсъ. Можетъ быть, ты скажешь, что не заглядывалъ на эту цыганочку... еще у ней глаза, какъ два жука.

— Никакой я цыганочки не знаю!

— Ты не знаешь? Полно! Вѣдь, я же своимъ ревнивымъ глазами насквозь вижу тебя. Всѣ твои мысли вижу. Посмотрю, да и напушу на тебя свою бабушку-колдунью. Узнаешь тогда, какъ на другихъ женщинѣ глядѣть.

— Полно пугать, Июша. Развѣ же другимъ разговоровъ нѣть?

— Есть и другое, а ты пока этихъ послушай. Бабушка-колдунья за меня человѣка со свѣту сживеть, а то еще хуже: такое лихо сдѣлать, что человѣкъ смерти будешь просить, а все ему смерти не будетъ.

— Святители... Никодай-угодникъ!

— Несчастнымъ будетъ тотъ человѣкъ, на которого я свою бабушку напушу!

— Господи Иисусе! Да замолчи ты, сдѣлай такую милость!

— Но Июша продолжаетъ шептать; долго шепчетъ Июша; она шепчетъ, пока не брезжитъ разсвѣтъ и молочное море тумана не подступаетъ къ березовой рощѣ и низкорослымъ кустамъ. Тогда женщина поднимается съ травы и говоритъ мужчинѣ:

— Ну, прощай, Гриша. До завтра. Завтра опять сюда приходи.

— Ладно!—глухимъ голосомъ говоритъ мужчина.

— Придиши?

— Да ладно!—машетъ рукой мужчина.

Воскресенье, 9-го Августа 1909 года.

Они въ послѣдній разъ шепчутъ другъ другу что то нѣжное и расходятся въ разныя стороны.

Женщина идетъ направо, весело поступая каблуками ботинокъ, и въ глазахъ ея виденъ смѣхъ.

— Хорошо я его напугала!—шепчетъ она.—Теперь онъ на другихъ женщинѣ и смотрѣтъ не станетъ. А гдѣ моя бабушка? Давно умерла!

Мужчина идетъ налево; лицо его блѣдно отъ страха и предразсвѣтного холода, глаза широко открыты; онъ идетъ странной походкой, присѣдастъ на ходу, будто несетъ тяжелое бремя,—а что можетъ быть тяжелѣе бремени ужаса?—и что то бормочетъ губами, отъ которыхъ отхлынула кровь.

— Слава тебѣ, Господи! Унеси ноги.—слышится среди его бормотанія.—Больше ужъ я къ ней не выйду... шабашъ! Бабка-колдунья, гляди, съ нечистою силой знается... Грѣхъ! Глядиши, и сама изъ вѣдьмы, если не хуже еще. Завтра поутру разсчитъ у управляющаго возмущу и уйду изъ этихъ мѣстъ поганыхъ. Бѣ-Гогу, уйду. Потому здѣсь оставаться, добра не видать. Нога моя больше здѣсь не будетъ—за десять верстъ это проклятое мѣсто стану обходить!

Въ бѣломъ туманѣ чудятся ему чѣмъ зловѣщіе рожи, онъ отвергивается и сердито плюетъ на нихъ:

— Тыфу!

На слѣдующую ночь внучка колдуньи долго сидѣтъ въ березовой рощѣ и, пылая отъ ревности, не сводитъ съ дороги гудушихъ глазъ. Вѣтерокъ пошевелитъ листами деревьевъ и по прежнему изѣдка ночной сторожъ бѣть колотушко по доскѣ.

Но не слышно ни чыханья шаговъ.

Къ внучку колдуньи никто не приходитъ.

Не звучать поѣзду въ предразсвѣтномъ туманѣ.

„Онъ“—далеко.

А. Грузинскій.

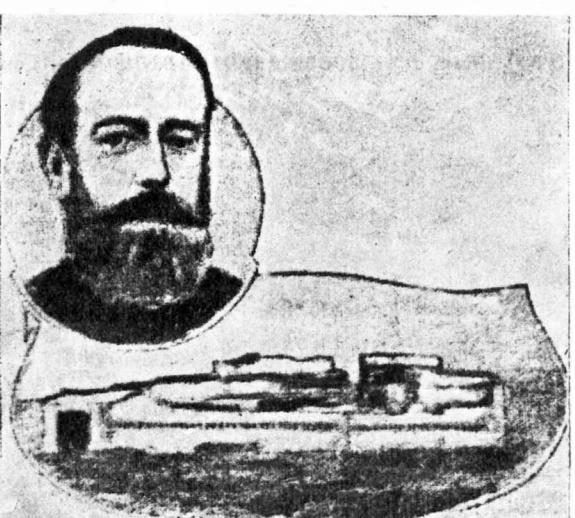
ЮЖНЫЙ КРАЙ.

Воскресенье, 9-го Августа 1909 года.

Донъ-Карлосъ,

недавно скончавшійся претендентъ на испанскій престолъ.

Генераль Марина,
главнокомандующий испанскими войсками. Внизу
крепость „Мелилла“.

Если жара не убьетъ смѣльчака, то онъ сходитъ съ ума.

Долина смерти—самое жаркое мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ ней бываетъ почти постоянно температура въ 65 градусовъ Цельсія.

НОВОСТИ МАУКИ И ИСКУССТВА.

Раскопки въ Олимпії.

Въ журналѣ „Bulletin de l'art ancien et modгe“ сообщается о послѣднихъ результатахъ раскопокъ, производимыхъ немцами уже въ продолженіе тридцати лѣтъ на мѣстѣ древней Олимпіи. Новые раскопки привели къ новымъ открытиямъ. Нѣдѣлья земли, гдѣ оказались терракоты, костяные изваянія въ огромныхъ количествахъ, обнаружилось существование очень древнихъ построекъ необыкновенного исторического интереса. Нѣдѣлья земли, насыпанные старыми развалинами, оказались еще болѣе древнія. Древній храмъ стоялъ наль какимъ-то доисторическимъ сооруженіемъ, и тотъ на поясномъ слоѣ земли, въ которомъ это сооруженіе находилось, образовался въ необычайно отдаленное время. Постройка эта все-таки греческаго сооруженія. Раскопки ведутся теперь въ сѣверной части Теменоса между Метроономъ, Гералономъ и храмомъ Зевса.

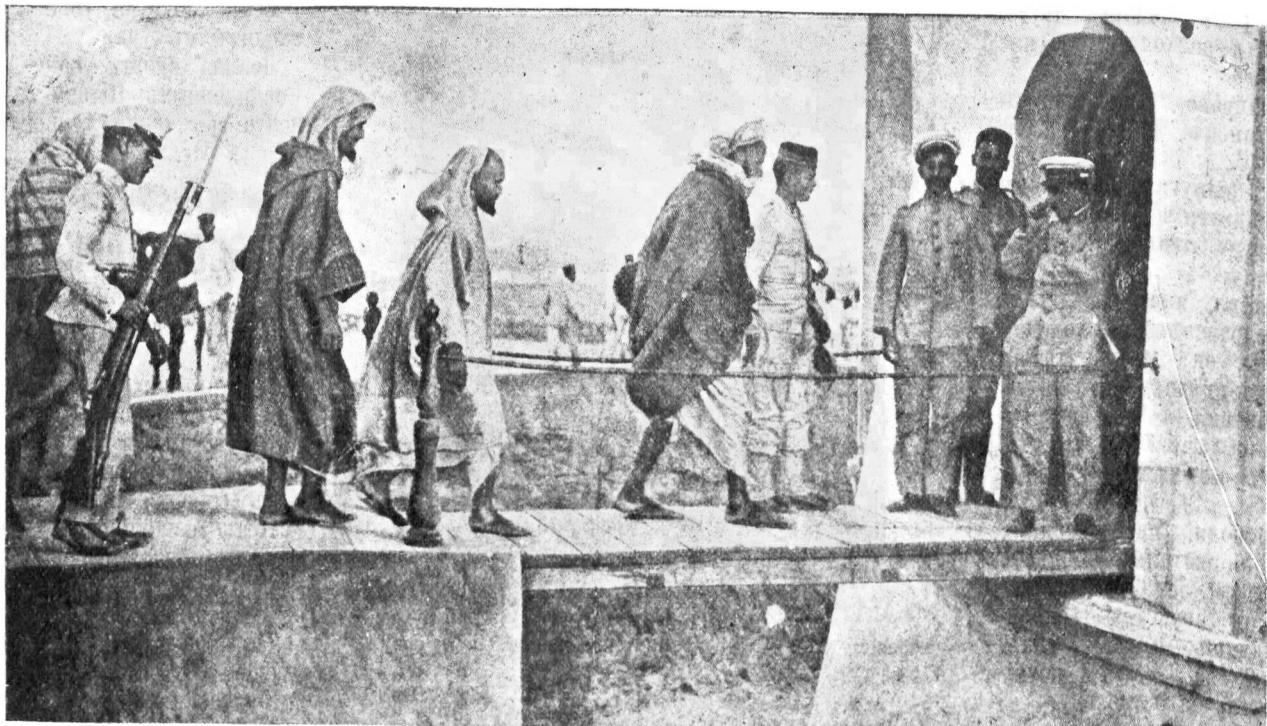
Тамъ открыты четыре одинаковыхъ сооруженія. Каждая постройка состоитъ изъ овального отверстія, служившаго входомъ и изъ этого продолженіе въ видѣ двухъ прямыхъ стѣнъ. Первое сооруженіе относится къ такой эпохѣ, когда греки еще не знали четырехугольныхъ построекъ, а пользовались смыкающей системой употребленія прямыхъ и круглыхъ стѣнъ. Это—очень важное указаніе въ области доисторической архитектуры. Постройки принадлежатъ къ послѣднему неолитическому періоду. Найденный одноцѣнійный вѣза приналежать еще неизвѣстному до сихъ поръ стилю. У одной постройки найденъ скелетъ ребенка, можетъ быть, принесенаго въ жертву при ее закладкѣ. Въ сѣверной части храма Зевса открытъ фундаментъ какою-то эллинтической постройки, которую изслѣдователь Генрихъ Булле считаетъ домомъ царя Ономая, что подтверждается раскопками послѣдніго мѣсяца. Эти постройки оказываются частью доисторического поселенія, дома которого открыты одинъ за другимъ. Между прочимъ, открыты каменный фундаментъ въ видѣ корабля. Его назначение представляется загадочнымъ, такъ какъ обычай сѣверныхъ народовъ хоронить вождей въ лодкахъ не былъ извѣстенъ въ древней Греціи.

Анатоль Франсъ передъ нѣмецкимъ судомъ

Берлинскій журналъ „Zeitgeist“, въ апрѣля этого года, опубликовалъ небольшой рассказъ Анатоля Франса подъ наименіемъ: „Сердечная наука.“ Это картина прошлыхъ временъ Людозика XI-го, полная прелестей и правды. Но берлинская прокуратура усмотрѣла въ немъ преступление противъ § 184 уголовного уложенія и привлекла къ суду редактора за распространение беззрѣвеній произведеній.

Однако французу удалось вырваться изъ пустыни; онъшелъ съ шестью товарищами, и всѣ, за исключеніемъ его, погибли Обезумѣвъ отъ жажды, они пригубили своихъ лошадей и пили ихъ кровь. Вернувшись черезъ два дня лишился себѣ жизни.

Однажды у границы пустыни нашли трупъ человѣка, концы пальцевъ у котораго были содраны до костей,—такъ онъ скребъ песокъ, надѣясь найти воду.

Мароккские пленные, препровождаемые въ фортъ Los Camellos.

Международная охотничья выставка.

Въ Вѣнѣ, въ 1910 году, будетъ открыта первая международная охотничья выставка, работы по устройству которой уже вступили во вторую стадію—въ стадію осуществления архитекторами и зодчими плановъ и проектовъ. Начатыя съ наступлениемъ весны строительные работы быстро подвигаются, изъ-за лѣсовъ уже показываются контуры павильоновъ. Повидимому, однимъ изъ самыхъ изящныхъ и привлекательныхъ выставочныхъ строеній явится павильонъ князя Аристана-Крафта Гогенлоэ-Эрингенъ. Этотъ страстный любитель охоты поручилъ строить, въ венгерскомъ отдѣлѣ выставки, деревянный павильонъ по образцу карнатскихъ охотничихъ замковъ. Норвежскій отдѣлъ выставки будетъ состоять изъ двухъ разбираемыхъ по частямъ норвежскихъ охотничихъ павильоновъ и лагеря лапландцевъ, который наглядно знакомить посетителей выставки съ жизнью, нравами и обычаями этихъ обитателей крайняго сѣвера. На выставкѣ будетъ удѣлено надлежащее вниманіе „таксидерміи,“ т.-е. изготовленію препаратовъ изъ животныхъ и набивкѣ чучелъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ЖИЗНЬ.**Забавы королевича Георгія.**

Изъ Бѣлграда „Рѣчи“ телеграфируютъ: „Въ саду дворца принца Павла произошелъ страшный взрывъ, слышанный очень далеко. Много деревьевъ были вырваны съ корнемъ. Официально сообщаютъ, что взрывъ послѣдовалъ отъ воспламененія бутылокъ съ бензиномъ. Однако, известно, что въ этомъ саду королевичъ Георгій занимался испытаниемъ новыхъ взрывчатыхъ веществъ.“

Голодъ въ Китаѣ.

Какъ сообщаютъ „North China Herald,“ вслѣдствіе большого вывоза риса въ теченіе зимы, цѣны на него и вообще на все виды питания сильно подня-

Севилья.
Сerenада.

лись. Всѣ старанія властей помочь горю оказались безплодными. Каждый день огромныя толпы женщинъ и дѣтей выходятъ на поля, отыскивая травы и кореня для употребленія въ пищу. Два семейства въ Шанхаѣ лишили себя жизни отъ голода. Когда они съѣли послѣдніго цыпленка, то взрослые, вмѣстѣ съ дѣтьми, приняли большое количество опiumа. Населеніе совершає молебствіе о дождѣ; назначенъ всеобщій постъ. На улицахъ иѣтъ пропажи мяса, птицы и рыбы. Въ 60—70 ми-

ляхъ отъ Шанхая находится холмъ, изъ расщелины которого вытекаетъ источникъ; здѣсь предполагается обиталище дракона. Отчаявшійся народъ посредствомъ приношенія жертвенныхъ бумажекъ и колѣнопреклоненій надѣется получить помощь дракона. Провинціальный казначай Шу, бывший несолько лѣтъ тому назадъ шанхайскимъ даотаемъ, послалъ особую депутациою помочь народу молить о дождѣ.

